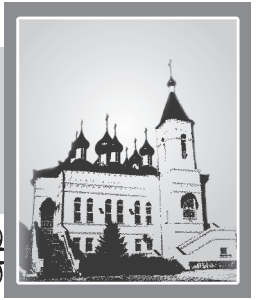

ПОКРОВСКИЙ ЛИСТОК

Закон Божий с протоиереем Андреем Ткачевым. Беседа 22-я. Ропот.

Возлюбленные о Господе, мы сегодня поговорим с вами о таком бытовом недуге, как ропот. Мы, священники, вынуждены смотреть на «изнанку пылесоса»: стоять на исповеди и слушать откровения человеческие о «великих подвигах». Мы знаем мир с другой стороны, как знают его работники, например, морга, или врачи, или милиционеры, или прокуроры, те, кто больше всех развращается, потому что постоянно сталкивается с изнанкой мира. По улице ходят красивые люди, но поговори с ними... «Заговори, чтобы я тебя увидел», — пишет Платон. Раскрывается рот, пошел поток сознания... — и ты думаешь: кто это? Сытый, молодой, красивый, хорошо одетый человек с высшим образованием. Какой демон в нем? Даже не демон, а пучок демонов. И одним из демонов в этом пучке является демон ропота. Люди ропщут, недовольны постоянно, бурчат, ворчат, мучаются... Казалось бы, отчего? И сегодня я хотел бы поговорить о том, как исцелиться от этого недовольства жизнью.

У писателя Аркадия Аверченко есть несколько небольших новелл, довольно остроумных, о революции, свершившейся в России. В одной из них он описывает некоего дядьку, сапожника, мало зарабатывающего, по его словам, и вечно недовольного. Он сделал свою работу, на вырученные деньги купил себе чуть-чуть икорки, чуть-чуть севрюжки, хлебчика свежего, чуть-чуть, чуть сего, шкалик водочки... Пьет, икоркой закусывает и на жизнь жалуется. Говорит: «Скорей бы поменялась эта власть». И вот власть поменялась, и теперь он получает за ту же работу зарплату, на которую покупает себе черствого хлебца, без севрюжки и икорки и вообще без всего, да соху самогона. И горько пьет и не знает, чего еще желать. Потому что то, что было, оказывается, было прекрасно, было чудесно. И что было жаловаться болванам?! — спрашивает Аверченко «за кадром» у этого человека.

А что ты жаловался? Тебе плохо живется? — Купи козу. Есть такой еврейский анекдот. Пришел к раввину «страдалец», жалуется: «Господи, помилуй. Хатка маленькая, куча детей, старуха-мама на руках, дышать нечем, жить негде...» — «А ты козу купи», — говорит раввин. — «Какую козу?» — «Настоящую! Которая бекает, которую доить можно...» — «И куда мне эту козу притаранить?» — «Да прямо к себе в хату и притарань. Потом посмотришь, что будет». «Страдалец» купил козу, живет. Всё, как было, так и осталось:

мама старая, дети, дышать нечем, жить негде, да еще коза бекает, доиться хочет. Опять «страдалец» идет к раввину: «Я с ума сойду от такой жизни! Повешусь!.. Что делать?» — «Продай козу». Продав и прибегает снова к раввину: «Какая же красота! Как без козы хорошо!»

Купи козу, ропотник. Тебе плохо живется? Заболеть хочешь? Если у тебя рак найдут, лучше будет? Или если ты ногу сломаешь, или машину разобьешь, или от тебя уйдет любимый человек? Или если тебя зальют соседи? Проблем хочешь? Кто хочет проблем, ропщи на здоровье. Тебе Бог даст проблем, и ты будешь счастлив: «Боже, как хорошо было раньше. А вчера было так прекрасно! Счастье было так возможно...»

Друзья мои, роптать нельзя. Мы живем в уникальном сытом мире. В мире уникально красиво одетом. Мы живем в здоровом, комфортном мире, в котором уважаются

права личности. Нас никто не будет зашиворот тащить на рабские работы принудительно. Нас никто не будет заставлять делать то, что мы не хотим. С нами будут цацкаться, и любой полицейский, который в хорошие времена огрел бы тебя дубиной по голове, скажет: «Уважаемый гражданин, предъявите, пожалуйста, документы. Будьте любезны, пойдите сюда». А иначе с нами говорить не будут — боятся. Все боятся, что придется отвечать. Так что же вы ропщете, чего хотите?!

Что нужно человеку, чтобы ему не роптать? Что тебе дать, чтобы ты был доволен? Включите-ка фантазию. Вот вас поселили на острове в Карибском море, дали вам яхту, домик месяца на три бесплатно и пить-есть, что хочешь. Вы там будете счастливы? Только два дня. А дальше? А дальше — песок колючий, солнце жаркое, ананас невкусный, в катере мотор заглох... Опять начнется. Всё будет плохо опять. Плохому человеку всё плохо. Хорошему человеку всё хорошо.

Я слушаю исповеди, разговоры, нытье слушаю всякое с утра до вечера. Как любой священник, я устал от нытья. Почему не благодарите Бога? Почему вы приходите в Церковь даже, в этот святой дом Божий, Врата Небесные, Лестницу Иакова, жаловаться и скулишь? Почему у подножия Лестницы Иакова продолжаете: «Дай мне это!.. Дай мне то!..» Почему не благодарите? Благодарность — лучшее лекарство от уныния. Это благо-дарность. Нужно учить людей на исповедях и на проповедях: «Перестаньте просить! Благодарите, хвалите Бога». Вы только подумайте, как мы живем?!

Такой интересный опыт: несколько лет назад, может быть, пять или больше, один журналист представил себе мир деревней из 100 человек и подсчитал валовый продукт этого мира. Сколько людей, сколько мужчин, сколько женщин. Сколько черных, сколько белых. Сколько верующих. Интересная получилась статистика. Валовый продукт всей деревни сосредоточен в руках двух человек, оба живут в Америке. Человек 70 неграмотных, 30 грамотных. У подавляющего большинства заработная плата на прожитие — в день 1 доллар. У 30-40 из 100 — 5-7-8-10 долларов. Мы попадаем в топовое число. Грамотные. Едим хорошо. Чтобы так ели наши предки! Если бы наши предки встали из гробов и сели за наш стол да посмотрели бы на разносолы, которые мы едим, то сказали бы: «Ну, братья, вы в раю живете!» Если бы они в ванну залезли, выпрямили ноги под горячей водой и в мыльной пене отдохнули полчаса или телевизор включили, какую-то песенку послушали... — они сказали бы вам: «Это чем же вы заслужили такую великолепную жизнь?! А ведь мы в IX, X, XI, XV, XVIII веке жили совершенно по-иному, и мы не роптали. Мы грызли сухарь и радовались».

Паисий Святогорец рассказывал о том времени, когда он на Синайской горе в монастыре святой Екатерины молился. Этот монастырь «обслуживали» бедуины: сопровождали туда туристов, этим зарабатывая на жизнь, привозили воду, продукты... Бедуины — арабы, не христиане, они мусульмане. Паисий Святогорец рассказывал: «Я помню тех бедуинов: когда у них была щепотка чая и немножко сахара, они плясали на одной ножке от радости и благодарили Бога, что у них есть чай и сахар. А евреи... ох уж эти евреи! Они построили им коттеджи в пустыне и свезли к ним поломанные

автомобили со всего Израиля в подарок. Теперь у каждого бедуина есть поломанный автомобиль — и никакой у них радости».

Цивилизация нагружает человека ложными благами и отнимает у него радость. Она делает его хамом, неблагодарным, заставляет его роптать, завидовать, мечтать о себе. «Почему это они, а не я?! Почему их по телевизору показывают, а не меня? Почему у него это есть, а у меня этого нет?» — в таких паскудных мыслях живет падший человек. И если эти мысли не поменять, счастья никогда вам не видать. Вы будете всю жизнь жить, как ноющее чмо, и умрете несчастными. И рая вам не видать, потому что в раю все благодарные. Людям руки резали, а они благодарили Бога; им глаза выкалывали — они благодарили Бога. Людей опускали в огонь или кипящую смолу — они говорили: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!» В раю все благодарны. В раю нет ни одного нытика. Если бы была экскурсия в рай, мы бы ходили по раю и удивлялись: «А где здесь ноющие, плачущие, страдающие?» Ослик Иа в рай войти не может. В раю Винни-Пухи. Винни-Пуху всё хорошо. Он всегда поет: «В голове моей опилки, тра-та-та». Ему всё весело. А вот ослик Иа вечно сомневается: «Так ли это?» — «Как твои дела, ослик?» — «Плохо. А чего ждать от тех, которые мешают мне жить?» Всё плохо у ослика Иа. Ослик в раю не будет, а Винни-Пух — будет. Это оптимист, который знает, что у него в голове опилки, — он самокритичен: «Я глупый, у меня плохое чистописанное...» — но он веселый.

Христианин должен быть сильным, веселым человеком с самокритичной оценкой. А не дохлым, нудным, сдувшимся шариком. «Откуда взялась эта тряпочка? Что это было за «бум», и откуда взялась эта тряпочка?» Это человек, который ни на что не годен.

Человек, по апостолу Павлу, должен быть готов на всякое доброе дело, на всякое благое дело. А ты дохлый, а ты скулишь, а ты ноешь, тебе жизнь не в радость. Тебе пища не вкусно, тебе солнце не в радость, ты ни от чего не веселишься. Да ты Демон! Помните, как про Демона говорит Лермонтов? «И ничего во всей природе / Благословить он не хотел». Ты ни на чем взгляд не остановишь с благословением. У тебя нет такой секунды, когда бы ты сказал: «Остановись, мгновенье: ты прекрасно!» Нет такого у тебя! Тебе всё нудно, плохо. «Им хорошо — а мне плохо... Им еще лучше, мне всё плохо». Друзья мои, и это господствующее настроение людей! Причем молодых, здоровых людей. А на старух поглядите, на стариков: сколько огня в их глазах, хотя они уже еле ходят! У них вся жизнь за спиной, только Страшный суд впереди, Царство Небесное — и у них еще интерес к жизни есть, они борются за жизнь. Встают с трудом с постели, ухаживают сами за собой. Молодые, ленивые — разваливаются, сидят по полдня и дурака валяют, ищут приключений и удовольствий. Конечно, будет уныние и хандра; конечно, жизнь будет не в радость человеку. Конечно, будешь роптать.

Друзья мои, роптать нельзя никогда! Наш народ, переживший лагерь, войны, коллективизацию, вынужденную эмиграцию, никогда не унывал. В лагерях были веселые люди, сохранявшие присутствие духа. На войне всегда в любом подразделении, в любой роте и любом батальоне есть

Тёркин. На привале гармошку развернет и спляшет, частушку споет и поднимет всем настроение. И обязательно должен быть такой человек. В эмиграцию люди уехали, и вот представьте себе: дворян, генералов, епископов, ученых пинком под зад выгнали вон из России — выгнали с насиженных мест, из дворянских усадеб, из своих собственных домов и квартир в центре Москвы, Петербурга и других городов, выгнали с кафедр, на которых они преподавали, лишили их имени, чести, славы, денег, семьи, здоровья... — и что, они повесились все, что ли, за рубежом? Ничего подобного. Храмы построили, журналы стали издавать, открыли учебные заведения, кадетские корпуса, семинарии, русские культурные центры, родили детей, воспитали несколько поколений людей, говорящих по-русски, крещенных в Православной Церкви. А нам бы сегодня пинка под зад и вон отсюда — и что бы мы делали? Мы бы повесились, пошли бы по кабакам запивать свое горе, а потом бы пошли вздергиваться на крепком гвозде у себя в отдельном номере. Так нельзя!

Мы — русские люди, нам нельзя хандрить. Мы сытые люди, нам нельзя печалиться. Мы верующие люди, нам нельзя унывать. Мы должны помогать друг другу,

А.С. Хомяков (1804-1860) — публицист, богослов, философ

мы не должны жаловаться. Плакать должны в одиночку, втихаря. Потом лицо умыть и выйти к людям со светлым лицом. Как пишет Юрий Самарин об Алексее Хомякове: он похоронил любимую жену — горячо любимую, единственную женщину, которую он любил, — и детей — одного за другим, но оставался всегда бодр и удивительно оптимистичен. Юрий Самарин вспоминал, как однажды ночевал у Хомякова дома и слышал рыдания из дальней комнаты. На цыпочках пошел посмотреть: Хомяков всю ночь молился на коленях со слезами, рыдал перед Богом о себе, о сердце своем, о жене, о детях... Утром вышел к завтраку как ни в чем не бывало, умытый, свежий, с расправленными плечами, искрометный, веселый, умный, никому неверяющий своих бед...

Плачьте перед Богом! Плачьте перед Богом, а не подружка перед подружкой на перекуре. Плачьте перед Богом — перед людьми не плачьте. Перед людьми умойте лицо и будьте твердыми, веселыми и сильными. Нельзя хандрить! У нас всё есть. У нас есть больше, чем мы заслуживаем. У нас есть больше, чем мы того достойны. Благодарите Бога, ничего у Него не просите. Слава Тебе, Господи, я живу! Слава Тебе, Господи, у меня есть друзья! Слава Тебе, Господи, я — на своих ногах при ясной памяти! Слава Тебе, Господи, у меня есть работа, какие-никакие деньги есть, я сам себе хлеб покупаю, не протягиваю руку! Слава Тебе, Господи, я крещенный! Слава Тебе, Господи, я много знаю и умею читать, я могу постигнуть любую науку! Слава Тебе, Господи, у меня еще вся жизнь впереди! Слава Тебе, Господи, я в рай войду, когда умру, потому что Ты за меня умер, — я верую в это, я в раю хочу жить! Вечно жить. Что хандрить?! Эй, вы, люди, возмнитесь за ум, перестаньте унывать, тосковать, печалиться! Пусть печалются, тоскуют и унывают безбожники. Пусть они разгоняют свою тоску сатанинскими удовольствиями. Пусть «ширяются», «двигаются» и нюхают, потому что у них больше радости нет. Мы с вами имеем миллион причин для того, чтобы улыбнуться и сказать: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!»

«*Ваша философия*»
и другие рассказы
протоиерея Алексея Лисняка

Продолжение. Начало в №37

Аргументы и факты

Задолго до появления над церковным забором очков слыш-на дружеская брань. Это явление можно наблюдать хоть каж-дый вечер. Жара ли, стужа ли... Макар отличается почти ан-глийским постоянством. Ругательства слышатся отчетливее, отчетливее. И вот наконец над изгородью появляются бифо-кальные очки в роговой оправе. Шнурками от ботинок они при-вязаны к оттопыренным ушам, которые прячутся под навесом кепки-аэродрома. Макар – самый высокий в селе человек и большой любитель посудачить «за жисть» сам с собой. Сам себя материт, сам оправдывается. Да так громко, словно двое глухих облаются через дорогу. Поравнявшись со мной, он при-останавливается, приподнимается на цыпочки. Теперь над двухметровым забором виден его небритый подбородок. Си-лится просмотреть насквозь свои залапанные линзы. Похоже, не получается. Он крикает, отправляется дальше и продолжает свою увлекательную беседу:

- Так вот. О чем это я? Ах да...
- Что, совсем, дурак, ничего не помнишь?
- Кто, я?
- Нет, я! Я-то помню.

Ему с собой не скучно ни общаться, ни – главное – выпивать. Вроде и компания, а самогон – в одну глотку.

Он удаляется. Завтра по-джентльменски пунктуальный Макар будет просыпаться у дороги под старой березой ровно с половины шестого, когда мимо него погонят коров, до без четверти девять, когда лежать под летним солнцем станет нестерпимо. До вечера будет искать в жизни главное, а когда найдет, побежит домой, сядет сам напротив себя и со здравницами самому себе будет пить это «главное». Оба налижутся, а что будет дальше, я уже рассказал. Будет вечер, и будет утро, вечер, утро...

Жизнь счастливого Макара при мне разнообразилась лишь однажды, когда мы с ним знакомились.

А было это так: осенним утром, когда холодно и мокро лежать под березой у большака, коров уже не погнали. Зато по дороге побрел я служить первую литургию в этом селе. Макар лежал и ежился от холода. Такой несчастный, одинокий. Кутается в телогрейку, натягивает кепку чуть не на плечи. Я и не подозревал тогда, что под этой кепкой их двое. Подошел, наклонился: «Живой? – спрашиваю. – А? Мужик?»

Он отмахнулся, как от мухи. Немного погодя приподнял голову, взглянул на черную зимнюю рясу. Под линзами захлопали удивленные глаза. Он встал, спокойно ткнул пальцем чуть правее меня:

- Этот поп с рогами!
- И сам подтвердил:
- Точно!
- Затем указал левее меня:
- Этот... с хвостом, что ли?
- Угу, сам что ли не видишь?
- А этот, – он кивнул на меня, – с рылом?
- С каким рылом?
- С каким, с каким... с поросычьим, конечно.
- Я боюсь, а ты?
- И я боюсь! Это ведь анчихристы в попов вселились!

Макар с перепугу «побежали» куда-то. Я отправился на службу. Рассказал утреннюю сценку Алексею Семеновичу. Тот решил, что Макар допился «до чертиков». Однако уже вечером Петровна шептала своим товаркам, что поп – антихрист, кре-стилась, плевала через плечо. Клялась, что с рожками. Сама видела! Ей-ей!

Покровские летуны

Потрепанная полукруглая «Волга» с оленем на капоте не спеша плывет по укатанному проселку. Я сижу рядом с водите-лем, пономарь Алексей Семенович царствует за нашими спи-нами на огромном диване, точно секретарь райкома.

Осень выдалась на редкость сухая. Справа облетает по-садка, слева чернеет перепаханное поле. Одолевает дремота. Хорошо, должно быть, медведям: нас везут в Покровку на по-хороны, а они, жирные и довольные, засыпают сейчас в своих

берлогах под шелест золотистой листвы.

Путь неблизкий, и, чтобы разогнать сон и скоротать время, заговариваю с водителем, мужиком лет шестидесяти:

- Вы тамошний? Покровский?
- Да.
- Тогда, наверное, должны знать, почему вас, Покровских, зовут летунами?

– О! Это действительно история любопытная, – он приоса-нился, поерзал и принялся за рассказ:

– Было это еще при Сталине, сразу после войны. Я тогда мальцом был, но прекрасно все помню. Никто теперь не разбе-рет, откуда, но появилась в нашем селе монашка не монаш-ка, чернушка не чернушка... короче, бабка. Вся в черном, юбка по земле волочится. Бодренькая такая старушенция. Палка у ней сучковатая и котомка. Повадилась, значит, эта старуха ша-стать по дворам. Зайдет в дом, поднимет кривой палец к потол-ку и знай, проповедует. Да так грозно, словно поп какой.

– Кайтесь, – говорит, – грешники! Скоро суд Божий! Все про-падете!

Ну, кто понабожней, те слегка струхнули.

– А когда, – говорят, – суд-то этот?

– В среду!

– Завтра, что ль?

– Завтра! – говорит. – Раздайте свои пожитки соседям, а сами в одном исподнем лезьте все на крышу. Подыметса страшный ветер, опустится черная туча. На ней – Бог! Кто раздаст все – тот лезь к Богу на тучу. Он спасет, а кто не послушается, тому гореть в геенне. Горе безбожникам и коммунистам!

Ну, деревенька-то наша невелика была – дворов эдак пол-ста. Бабка всех обошла, страху напустила. А после войны дело было. Мужиков-то мало. Так, старички бородатые, бабы да реб-ятишки. Весь день про страшный-то суд судачили – кто верит бабке, кто не верит. Кто испугался, а кто смеется себе. Так день и прошел. Ну, а как стемнело – тут вовсе боязнь взяла. Суд-то, он ведь уже с утра начнется, а вдруг бабка не соврала?

Смотрю, бабы в потемках по задам шастают. Все с узелками да с мешками. Это они, кто понабожней, раздают, значит, скарб. Ну, жили-то бедно и раздавать вроде нечего, а нашлось-таки кое-что. Безбожники и рады: неси нам все! У вас, дураков, зави-тра конец света, а у нас нонче ваше барахлишко. Неси, неси!

Туда-сюда, уже утро. Солнце поднимается, а деды, бабки, вдовы кой-какие уже на крышах сидят. Все в одном исподнем. Молятся себе. То-то хохоту было. Безбожники и партийные ве-селились: вот, мол, дураки! Раздали все, да еще и перед всем селом в одних подштаниках! Те молятся, эти смеются, а кон-ца света все нет и нет. Кое-кто уже и с крыши слез. Но тут! Началось! Не пойми откуда, ветер поднялся страшенный. За ним и туча опустилась. Темно так сделалось, жутко. Туча вся сверкает, гремит. Да нависла еще так низко-низко. Вот тут-то безбожникам не до смеху стало. Кинулись было и они барахло свое раздавать. А кому? Никто ведь не берет, дураков нет. Ну, может, и так Бог в рай возьмет? Поскидали все с себя портки и в одних подштаниках – на крыши. И давай себе рыдать да го-лосить. Молятся, молятся... А гром такой поднялся, аж мураш-ки по спине. Молнии лупят, земля трясется. Жуть! Ну а когда дождь хлынул, тут уж ясно стало – всемирный потоп! Не сбре-хала бабка-монашка, дай Бог ей здоровья. С небес настоящий водопад. Тут уже спасаться надо. Соседних домов не выдать. Позакрывали все глаза и на тучу попрыгали. Вот... Потому всех покровских летунами и кличут. Да...

– Да, действительно, летуны, – говорю водителю и жду про-должения истории. Но он насупился, молчит.

Не выдержал Алексей Семенович:

– Ну, и как же вас Бог судил?

– Как, как! Да никак. Тучу ветром сдуло, дождь кончился.

Смотрю через плетень – соседи мокрые, злые, в грязи возятся. Бабку проклятую матерят. Кое-кто ее искать кинулся, а где ж ты ее найдешь?

Когда все умылись и обсохли, пошли по дворам свое, зна-чит, барахло обратно требовать, а идти как? Все ж роздано – надеть нечего, так и блукали все, в подштаниках. Вот... Такой, значит, суд.

Я оглянулся на Семеныча. Он закусил губу, чтобы не сме-яться. И мне повеселело, дремота отбежала.

– Ну, – спрашиваю водителя, – а вы-то где были при «конце света»?

– Где-где! – не без иронии разозлился тот. – Не зря же мы

все как один зовемся «покровские летуны»! Мне, правда, по-везло, я с «небес» в навоз шлепнулся, там мягко, а вот тетка моя, та на дрова угодила, ногу сломала. Очень уж в рай хотела, Царство ей Небесное.

– Что, померла?

– Нет, то есть... тогда все обошлось, это она теперь... ее от-певать едем. Вы уж, батюшка, помолитесь, чтоб Бог ее, того, к себе взял. Очень уж хотела она... чтоб... в рай...

На пригорке за оврагом показалась крохотная деревушка. Десяток кривобоких домиков – все, что осталось от Покровки...

– Помолимся...

Светлый кот

На этот раз синоптики не обманули. После туманных дней показалось солнышко.

Мы служили литургию в древнем храме, который не за-крывался ни в войну, ни в революцию. Служили я и тамошний настоятель – священник, может быть, в пятом поколении. Хор тихо и сладко пел, как, наверное, и двести лет назад. Лучик солнца просочился сквозь старинное стекло южного окна в ал-таре и медленно пополз вниз по пережившим и холода и во-йны фрескам. Маленький красноватый зайчик застыл на лике Спасителя. Потом, во время «Трисвятого», сонно переполз на жертвенник. Затем зайчиков стало много. Они перестали ру-мяниться и заиграли на парчовых покровцах, начищенных ри-пидах, на настоятельском облачении. А один, огромный, свет-лый и как будто бы главный, чинно воцарился на горнем месте, когда диакон принялся читать Евангелие. Такое великолепие обычно надолго впечатляет.

Диакон вручил настоятелю увесистое Евангелие и забасил сугубую ектению. Внезапно припомнилось, как лет двенадцать тому назад, в мою диаконскую бытность, в другом старинном храме и при другом настоятеле я так же однажды после Еванге-лия вышел на солею и почти остоленел от восхищения. Тогда я впервые отметил, что церковное солнце – какое-то особен-ное. Оно светило в окна купола, и зайчики забавлялись, прыга-ли по золотым царским вратам с одной завитушки на другую, с виноградной грозди – на резной листок. Интересно, тогда были другие «зайцы» или те же, что и сейчас?

Летят годы... Поменялась эпоха. Лошадей заменили ав-томобили, фузеи сменились пулеметами, на место купцов и лабазников пришли брокеры и менеджеры. Когда-нибудь все это тоже уйдет – канет в историческую пропасть, а церковный веселый свет останется. Эти же зайчики будут резвиться на макушках у других певчих, эти же лучи будут светить на тот же вечный евангельский текст, правда читать его будет другой диакон, внимать – другие люди. Зато потом, когда все пройдет, а Церковь останется, на Ее торжество соберутся все – все, кто от века сумел оценить неповторимый церковный свет, и эта ра-дость уже не закончится.

К концу службы зимнее солнце висело уже высоко. Насто-ятель проповедовал, я радостный стоял рядом и глядел на полтора десятка прихожан, утонувших в огромном лучистом храме. В этом селе люди почти не утратили традиций: левую половину занимали женщины, а правую – пара старичков. По-среди церкви, под главной люстрой сидел кот. Старый крепкий кот. Закончилась проповедь, миряне подошли «под крест». На-стоятель, я и диакон удалились в алтарь и разоблачились, а кот все продолжал сидеть. Он дремал под церковным солнцем и во сне покачивался из стороны в сторону. Когда последняя прихожанка вышла из церкви и в храме воцарилась тишина, мы услышали мурлыканье, временами походящее на храп. Я с любопытством глядел на полосатого прихожанина в приот-крытую вратницу.

Мой интерес заметил настоятель:

– Что, нравится? Это Барсик. Мы его уже не замечаем, при-выкли.

– А откуда он взялся? – полюбопытствовал я.

– Да он тут всегда был. Ну, конечно, не он, а там предки его какие-нибудь... Но я вот лет, почитай, как тридцать тут служу и сколько помню, что ни служба, он всегда на это место приходит и молит... то есть дремлет. Пускай сидит. Зато насчет мышей – полный порядок.

Настоятель отыскал свою скуфью, и мы отправились к нему в дом чаевничать. Проходя мимо полосатого мышелова, ба-тюшка поприветствовал его: «Барсик! Кыс-кыс!» Кот упал на спину, скрестил лапки и будто ответил: «Мя-а».

Продолжение следует

П РА ВО С Л А В Н Ы Й К А Л Е Н Д А Р Ь

18 сен., вс. – Неделя 13-я по Пятидесятнице. Прор. Зах́арии и прав. Елисаветы, ро-дителей Ио́анна Предте́чи. Перенесение мощей блгвв. кн. Петра́, в иночестве Дави́да, и кн. Февро́нии, в иночестве Евфроси́нии, Му́ромских чудотворцев.

19 сен., пн. – Воспоминание чуда Архистрати́га Михаи́ла, бывшего в Хо́нех (Коло́ссах). Мч. Евдокси́я. Прп. Архи́ппа. Мчч. Роми́ла и с ним многих.

20 сен., вт. – Предпразднство Рождества Пресвятой Богородицы. Мч. Созо́нта. Свт. Ио́анна, архиеп. Новгоро́дского. Прмч. Мака́рия Ка́невского. Прп. Серапио́на Псков-ского. Прп. Макария Опти́нского. Апп. от 70-ти Евода и Онисифора.

21 сен., ср. – РОЖДЕСТВО ПРЕСВЯТОЙ ВЛАДИЦИЦЫ НАШЕЙ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДЕВЫ МАРИИ. *На трапезе разрешается рыба.*

22 сен., чт. – Попразднство Рождества Пресвятой Богородицы. **Праведных Богооте́ц Иоакима́ и Анны. Прп. Ио́сифа, игумена Во́лоцкого, чудотворца.** Мч. Севери́ана. Свт. Феодо́сия, архиеп. Черни́говского. Прп. Феофана исп.

23 сен., пт. – Попразднство Рождества Пресвятой Богородицы. Мцц. Минодо́ры, Митродо́ры и Нимфодо́ры. Прп. Иоаса́фа Ка́менского. Прп. Па́вла Послушли́вого, Печерского, в Дальних пещерах. **Собор Липецких святых.**

24 сен., сб. – Суббота пред Воздвижением. Попразднство Рождества Пресвятой Бо-городицы. **Прп. Силу́ана Афо́нского.** Прп. Феодо́ры Александрийской. Перенесение мощей прпп. Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. Мц. Ии. Прп. Евфросина.

Еженедельное издание церкви Покрова Пресвятой Богородицы г. Тирасполь. Главный редактор – настоятель храма архимандрит Василий (Карпов). Наш адрес: г. Тирасполь, ул. Кутузова, 201. Тел.: (533) 2-46-97. Сайт: <http://pokrovka-tiras.narod.ru/>

Набор и верстка – на оборудовании редакции. Отпечатано в полиграфическом предприятии ООО «Теслайн» по адресу: г. Тирасполь, ул. Ленина, 7. Объем – 1 печатный лист. Тираж – 120 экз.

Уважаемые читатели! Просим вас не использовать газету в бытовых и хозяйственных нуждах! Да благословит вас Господь!